

КРИСТОФЕР ХИТЧЕНС

ПОЧЕМУ ТАК ВАЖЕН ОРУЭЛЛ

«Кристофер Хитченс – гигант мысли и образец мужества».

Ричард Докинз

«Поклонники Оруэлла высоко оценят глубокомысленную и вызывающую доверие позицию Хитченса, которая может побудить и тех, кто незнаком с творчеством Оруэлла, обратиться к его произведениям».

Publishers Weekly

ГРАНД МАСТЕР

Интеллектуальная публицистика. Лучшее

Кристофер Хитченс

Почему так важен Оруэлл

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.111.09 Оруэлл
ББК 83.3(4Вел)

Хитченс К.

Почему так важен Оруэлл / К. Хитченс — «Эксмо»,
2002 — (Интеллектуальная публицистика. Лучшее)

Одного из самых влиятельных интеллектуалов начала ХХI века, Кристофера Хитченса часто и охотно сравнивают с Джорджем Оруэллом: оба имеют удивительно схожие биографии, близкий стиль мышления и даже письма. Эта близость к своему герою позволила Хитченсу создать одну из лучших на сегодняшний день биографий Оруэлла. При этом книга Хитченса не только о самом писателе, но и об «оруэлловском» мире – каким тот был в период его жизни, каким стал после его смерти и каков он сейчас. Почему настолько актуальными оказались предвидения Оруэлла, вновь и вновь воплощающиеся в самых разных формах. Почему его так не любили ни «правые», ни «левые» и тем не менее настойчиво пытались призвать в свои ряды – даже после смерти. В поисках источника прозорливости Оруэлла Хитченс глубоко исследует его личность, его мотивации, его устремления и ограничения. Не обходит вниманием самые неоднозначные его черты (включая его антифеминизм и гомофобию) и эпизоды деятельности (в том числе и пресловутый «список Оруэлла»). Портрет Оруэлла, созданный Хитченсом, – исключительно целостный в своей противоречивости, – возможно, наиболее близок к оригиналу.

УДК 821.111.09 Оруэлл
ББК 83.3(4Вел)

© Хитченс К., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Слова благодарности	7
Предисловие	8
I. Оруэлл и империя	15
II. Оруэлл и левые	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кристофер Хитченс

Почему так важен Оруэлл

Christopher Hitchens
WHY ORWELL MATTERS
Copyright © 2002 by Christopher Hitchens

© Copyright © 2002 by Christopher Hitchens
© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

*Посвящается Роберту Конквесту,
зрелому антифашисту,
зрелому антикоммунисту, поэту и наставнику,
а также создателю «объединенного фронта
против вранья»,
с его собственного согласия.*

«Но для гения, даже для небольшого таланта, важно не только то, что его интеллект не так остер, а манера держать себя в обществе не так изящна, как у других, сколько умение переключать и перенаправлять их. Чтобы согреть жидкость при помощи электрической лампочки, нужна вовсе не самая сильная лампа, – нужно, чтобы ток лампы перестал освещать, чтобы он изменился и вместо света давал тепло. Чтобы двигаться по воздуху, необходим вовсе не наиболее мощный мотор, а такой, который, прекратив бег по земле, избрал вертикальное направление и превратил свою горизонтальную скорость в восходящую силу. Равным образом гениальные произведения создают не те, что постоянно общаются с самыми утонченными натурами, не самые блестящие собеседники, люди не самой широкой культуры, но те, что обладают способностью, вдруг перестав жить для самих себя, превращать свою индивидуальность в подобие зеркала, с тем, чтобы в нем отражалась их жизнь, быть может, ничем не примечательная с точки зрения светской и даже, в известном смысле, с точки зрения интеллектуальной, ибо гениальность заключается в способности отражать, а не в свойствах отражаемого зрелища».

*Марсель Пруст,
«Под сенью девушек в цвету»¹.*

---

¹ Пер. Н. Любимова.

Слова благодарности

Прежде всего хочу поблагодарить преподобного Питера Коллингвуда, моего старого учителя английского, который первый задал мне разбор «Скотного двора» как текста, а затем позволил показать ему мою работу, несколько отклоняющуюся от темы сравнения со «Слепящей тьмой»: самое первое мое приличное эссе из всех написанных.

Затем хочу поблагодарить Клода Коберна, одного из самых благородных и очаровательных из встреченных мною людей, который в мои двадцать лет изложил мне атниоружелловскую точку зрения на Испанскую войну и другие вопросы и очень терпеливо обучал меня искусству диалектического спора, возможно, сам того не подозревая. Эти страницы – взвешенное злоупотребление его неизменным радушием.

Затем мои благодарности Петеру Седжвику, чье имя остается талисманом для благородных остатков левых либертарианцев, помогшему мне нарастить хилые мускулы, с помощью которых я сражался со школой Кокберна. Также он помог мне научиться распознавать следы «оружелланизма» – как нить Ариадны в лабиринте современной литературы.

Стивен Шварц и Рональд Радош показали мне свою незавершенную работу об Оруэлле, материалы для которой получали из советских архивов, за что я им безгранично благодарен, а также благодарен я их коллегам и соавторам Виктору Альба и Мэри Хабек. *Magna est veritas, et prevaelabit* («Велика истина, и она восторжествует»).

И наконец, достижение профессора Питера Дэвисона, воздвигшего величественное здание, вместившее в себя всю жизнь и весь труд Оруэлла, вместе с подвергшимися цензуре вещами, представляет собой нечто большее, чем геркулесова работа над текстом или наблюдения, сделанные биографом. Этот проект сочетает в себе объективность и любовь, и поэтому он стал блестящим памятником своему герою. Моя маленькая книжка – одна из первых, написанная в тени этой полностью продуманной работы, с тезисами которой должен будет отныне сверяться любой ее последователь.

Кристофер Хитченс,

Вашингтон, округ Колумбия, 4 февраля 2002 года

Предисловие Личность

Идеи, нравы смерзлись в ледники:
Он стал их плавить жаром убежденья –
И, показав реальности значенья,
Безжалостной зимы разжал тиски.
Кто чтил его за помощь? Тьмы и тьмы,
Ощерясь в ненависти, сбились кучей –
Покой свой уберечь средь стужи жгучей
Заслоном мифа от свирепств зимы.
Слова нас губят. Утвердил он вновь
Действительность как истины мерило –
И пониманье нам глаза раскрыло:
Страшной войны – страдания и кровь.
Стремясь к высокой цели, он владел
Присущей лишь немногим прямою –
Как тем друзьям, что до конца с тобою
(Полдюжины писателей удел).
Морали гений, он подчас впадал
В наивность, глупость ли в конечном счёте
(Играл же Дарвин злакам на фаготе!):
Искатель истины – но нет, не идеал.
Тем вопреки, кто опыт, факт обрек
На жертву гимнам, догме истеричной –
Сумел он, чуждый струнке поэтичной,
Всему искусству преподать урок².

*Роберт Конквест,
«Джордж Оруэлл» (1969)*

Эти строки, сложенные в период вечной мерзлоты, отсылают нас к временам почти космического холода – «полночь столетия» видится сквозь призму холодной войны, в перспективе ядерной зимы, слишком реальной, чтобы от нее отмахнуться. Но первая же искра человечности немедленно разгоняет пронизывающую стужу начальной строки, а далее заря дружеской поддержки лишь разгорается, к завершающим строкам уже пламенея горячей волной.

Ответ на вопрос, относятся ли честность и принципиальность к холодным добродетелям рассудка или же к горячим качествам души³, остается неясным, и туманы Англии, возможно, не лучшее место для его прояснения. «Ледяная совесть поколения», – такой подзаголовок выбрал Джеффри Мейерс для биографии Оруэлла 2000 года (фраза эта позаимствована у нейтрального пера В. С. Притчетта). Сам Оруэлл, не до конца избавившийся от веры отцов в благотворное воздействие закаливающих процедур, в своем творчестве оста-

---

² Пер. С. Сухарева.

³ Аллюзия на работу Ницше «Утренняя заря, или Мысль о моральных предрассудках» (о горячих – страстных – и холодных добродетелях). – *Прим. ред.*

ется во власти деморализующего влияния температуры точки замерзания. Однако в душном, знойном климате Бирмы и Каталонии этому суровому, замкнутому в себе человеку суждено было пережить два момента обжигающего откровения, а его произведениям – в обход цензуры и запретам воспламенить искру надежды во вселенской тьме ГУЛАГа, согревая собой продрогшие души поляков и украинцев и помогая растопить вечную мерзлоту сталинизма. И если бы авторство афоризма про «горячее сердце и холодную голову» не принадлежало Ленину⁴, он прекрасно подошел бы Оруэллу, с душевным пылом и великодушием которого могли сравниться лишь его же сдержанность и бесстрастность.

Виктор Притчетт, позднее – сэр, был одним из многих, кто встраивал фигуру Оруэлла в сонм «святых», пусть и как мирянина. И вот раскованный, склонный к веселому богохульству писатель, сказавший однажды (касательно Махатмы Ганди), что святые всегда должны считаться виновными, пока не будет доказано обратное, опять предстает перед нами в виде мощей или призрака, символа самоотречения. Говоря о Кромвеле, другом знаменитом человеке, считавшемся пуританином, Томас Карлейль писал, что столкнулся с необходимостью извлечь своего героя из-под груды мертвых фраз и другого мусора, и лишь потом у него получилось утвердить его в качестве фигуры, достойной биографии. Я не пишу биографии, однако иногда также чувствую необходимость освободить имя Джорджа Оруэлла от груза медовых словес и душещипательных речей; образ писателя, ставший объектом болезненного поклонения и сентиментальных восхвалений, подходит лишь для зомбирования несчастных школьников своей правильностью и невыносимой добропорядочностью. Воздаяние подобного рода часто оформлено в духе Ларошфуко, что позволяет задуматься о подкупе добродетели пороком⁵, а также о шутке, которую сыграла над вором его собственная шапка. (В конце концов, именно Притчетт походя отмахнулся от Оруэлла и его опасно правдивых репортажей из Барселоны, написав в 1938 году: «Существует множество веских аргументов в пользу того, чтобы держать креативных писателей подальше от политики, и мистер Джордж Оруэлл – один из таких писателей».)

Тот период, что прошел между написанием «Фунтов лиха в Париже и Лондоне» (1933) и «1984» (1949), вообще был богат на «креативных писателей» с активной политической позицией. Если мы решим ограничиться рамками исключительно англоязычного мира, то только лишь первый писательский ряд составят такие имена, как Джордж Бернард Шоу, Г. Дж. Уэллс, Дж. Б. Пристли и Эрнест Хемингуэй. И, разумеется, были поэты – группа, объединенная нескладным названием «Макспондэй», что расшифровывалось как Луис Макнис, Стивен Спендер, У. Х. Оден и Сесил Дэй-Льюис. (Акронимическое название не включало имени их учителя, Эдварда Апворда, о котором Оруэлл также писал.) Однако можно смело говорить о том, что политические заявления, сделанные этими людьми, сегодня не имели бы успеха. Некоторые из их высказываний были или вздорны, или излишне мрачны, некоторые – просто глупы, или легковесны, или несерьезны. И ярким контрастом на их фоне выделяется Оруэлл, каждую строчку которого, каждую статью и эссе можно смело переиздавать спустя годы, не испытывая при этом неловкости за автора. (Есть одно возможное исключение из этого утверждения, его я намереваюсь обсудить отдельно.)

Говорить о том, что упомянутые выше джентльмены наравне со многими другими, занимавшимися чистой журналистикой, оказались слишком падки на соблазны и искушения власти, а Оруэлл перед ними устоял, было бы заведомым упрощением. Однако можно со всей определенностью утверждать, что им не приходилось особенно волноваться, попадут ли их книги в печать, а вот Оруэлл никогда не мог быть столь же уверен в этом. А потому его писательская жизнь была постоянной борьбой, несущей в себе два важных смысла: первое –

⁴ Автором этого афоризма считается Ф. Э. Дзержинский. – *Прим. ред.*

⁵ «Лицемерие – это та дань, которую порок вынужден платить добродетели», Ларошфуко. – *Прим. пер.*

это отстаивание принципов, которые он исповедовал, второе – право свидетельствовать об этой борьбе. Он никогда не смягчил бы своего мнения в надежде увидеть свою подпись в издании, популярном среди платежеспособной публики; только одно это уже объясняет сегодня его актуальность и остроту.

С другой стороны, образ работяги из мансарды, считающего свои неудачи знаком собственной исключительности и принципиальности, узнаваем до навязчивости, и тип этот скрупулезно и карикатурно выведен Оруэллом в романе «Да здравствует фикус!». Важность Оруэлла для прошедшего века и как следствие – его статус человека, оставившего след в истории, а также в литературе, определяется исключительной важностью проблем, за которые он «брался», над которыми работал и которые никогда не бросал. Как результат мы, не задумываясь, прибегаем к термину «оруэлловский» в одном из двух случаев. Если мы подразумеваем разрушительную тиранию и царящий страх и привычный конформизм, мы называем текущее положение вещей «оруэлловским». Если мы описываем литературное произведение как «оруэлловское», мы признаем наличие в нем неиссякаемого человеческого сопротивления подобному террору. Неплохо для одной короткой жизни.

Три великие темы двадцатого века: империализм, фашизм и сталинизм. Было бы банальностью утверждать, что три эти «вопроса» сами по себе вызывают исторический интерес, они передают потомству сам дух и тон нашей эпохи. Интеллектуальное сообщество большей частью было роковым образом скомпрометировано компромиссным отношением к той или иной из этих бесчеловечных структур, сконструированных человеком, а некоторые его представители – и более чем к одной. (Сидней Вебб, в соавторстве с женой Беатрисой, написал пресловутую книгу «Советский коммунизм – новая цивилизация?», которая во втором своем издании утратила знак вопроса в заглавии как раз вовремя для того, чтобы это совпало с началом большого террора, стал лордом Пассфилдом в лейбористском правительстве Рамсея Макдональда 1929 года и в этом качестве действовал как исключительно жесткий и напыщенный министр по делам колоний. Джордж Бернард Шоу умудрился проявить глупейшую снисходительность и к Сталину, и к Муссолини.)

Решение Оруэлла отречься от бездумного империализма, который был источником доходов для его семьи (его отец был одним из мелких управляющих в деградирующей системе торговли опиумом между Индией и Китаем), может быть представлено как проявление эдипова комплекса, особенно теми критиками, которые предпочитают подобные линии расследования. Однако решение это было очень серьезным и для его времени – очень прогрессивным. Оно оставило свой след на всем его творчестве. Оно чувствуется не только в одной из самых первых опубликованных его статей – описании тарифной политики, тормозящей развитие Бирмы, написанной для французской газеты *Le Progrus Civique* в 1929 году, но и пропитывает первую его настоящую книгу, «Фунты лиха в Париже и Лондоне» и образует подтекст его литературного вклада в *New Writing* Джона Лемана. Оруэлл мог ощущать вину за то, из какого источника получает доход его семья, а мог и не чувствовать угрызений совести – вспомним часто возникающий в его творчестве знаменитый образ самой Англии как семьи, вокруг финансового положения которой царит заговор молчания, – но он, без всякого сомнения, был убежден в том, что эксплуатация колоний является грязной тайной всей просвещенной британской элиты, как политической, так и культурной. Это понимание также позволило ему подмечать отдельные черты проявления того, что Ницше называл отношениями «господин – раб»; его художественные произведения непрерывно демонстрируют осведомленность об отвратительной сладости и соблазнах раболепия, и многие самые живые его сцены без этого непредставимы. Живя, как мы сейчас, в теплом свете постколониализма, с удовлетворенной благодарностью погружаясь в постколониальные занятия, мы подчас забываем, чем обязаны этим пионерским усилиям.

Сохранив приверженность тому, чего достиг, получив колониальный опыт, временно пожив среди внутренних илотов империи (тут можно вспомнить бесприютных, отверженных людей периода «Фунтов лиха в Париже и Лондоне»), Оруэлл был полностью подготовлен для того, чтобы понять и душой, и разумом суть империй нашего времени – империй нацизма и сталинизма. Среди разнообразных качеств, из которых просвещенное сочувствие к жертвам, особенно к жертвам расовой неприязни, было лишь одним из многих, он развил в себе особую восприимчивость к интеллектуальному лицемерию и был готов в любой момент уловить любой – неизменно отвратительный – звук, которым оно себя выдавало. Другими словами, он был хорошо подготовлен Индией к тому, чтобы во всеоружии встречать порочные, но обманчиво «пристойные» оправдания незаслуживающей их, никому не подконтрольной власти.

Довольно странно, но выступления, направленные против фашизма, не стали частью самых его сильных или самых известных работ. Похоже, то, что «теории» Гитлера, или Франко, или Муссолини являются квинтэссенцией всего самого ненавистного и фальшивого из известного ему в человеческом обществе, воспринималось им как само собой разумеющееся, что виделись ему эти теории как «сатанинская сумма» милитаристской спеси, расистского солипсизма, издевательств, характерных для школьного двора, и капиталистической алчности. Особую роль для него сыграло постижение того, насколько часто представители Римско-католической церкви и католические интеллектуалы оказывались тайно связаны с вакханальным разгулом глупости и злобы; Оруэлл ссылался на это снова и снова. Как я уже писал, время запоздалого искупления за деяния того периода для католической церкви и ее апологетов только начинается.

С самого начала войны в Испании бывший ее добровольцем, Оруэлл, как представляется, за аксиому полагал, что фашизм – значит война (во всех значениях слова «значит») и что к этой битве необходимо присоединиться со всей решимостью и как можно скорее. Но одновременно с этим он открыл огонь в сторону коммунизма, каким он был в его понимании, и вступил в десятилетнее сражение с его приверженцами, и результат этой битвы стал, по мнению большинства живущих ныне людей, его моральным и интеллектуальным наследием. Однако наследие это, несомненно, неполно без понимания других его побуждений и мотивов.

Первое, что приводит в изумление любого изучающего работы и жизнь Оруэлла, это его полная *независимость*. Пережив в детстве то, что часто называют «традиционным» английским образованием (традиционным, по всей вероятности, потому, что доступно оно ничтожному проценту населения), он отказался от традиционного его продолжения в одном из средневековых университетов, а выбрав в качестве альтернативы колониальную службу, впоследствии неожиданно ее бросил. Начиная с этого момента он жил собственной жизнью, следуя собственному пути, и ни разу не назвал ни одного человека господином. Он никогда не мог похвастаться стабильным доходом, никогда не мог рассчитывать на стабильные авторские гонорары. Сам не будучи уверен, можно ли назвать его романистом, он внес свой вклад в богатство английской художественной литературы, сконцентрировавшись на форме эссе. В этом качестве он противостоял ортодоксии и деспотизму своих времен, вооруженный лишь потрепанной печатной машинкой и упорством характера.

Самым удивительным в его независимости было то, что ему приходилось ей учиться, ее добиваться, ее завоевывать. Его воспитание и его врожденные склонности по всем свидетельствам делали его от природы тори и даже кем-то вроде мизантропа. Конор Круз О'Брайен, известный критик Оруэлла, однажды написал об Эдмунде Бёрке, что сила его заключается во внутреннем его конфликте:

«Противоречивость позиции Бёрка обогащает его речь, расширяет диапазон ее выразительных средств, возвышает ее пафос, усиливает ее образность и делает возможным эту

странную апелляцию к “человеку либеральных нравов”. В этой интерпретации секрет его способности проникать в суть процесса [французской] революции частично объясняется подавленной симпатией к этой революции в сочетании с интуитивным пониманием разрушительных возможностей контрреволюционной пропаганды, столь сильно воздействующей на устоявшийся порядок в родной его земле... силы революции и контрреволюции для него существовали не только в большом, внешнем, но и во внутреннем его мире...»

Если поменять кое-что местами, очень похоже на случай Оруэлла. Он вынужден был подавлять в себе недоверие и нелюбовь к бедным, отвращение к толпам «цветных», которыми кишела империя, подозрительность к евреям, неловкость в отношениях с женщинами и антиинтеллектуализм. Он учился самостоятельно, учился теории и практике, иногда – с излишним педантизмом, и смог стать великим гуманистом. И лишь одно из врожденных его предубеждений – одна мысль о гомосексуализме заставляла его вздрагивать – во всей видимости оказалось неподвластно процессу самоусовершенствования. Но даже это «извращение» он часто изображал как результат жестокости судьбы или уродство, вызванное неестественными для человека, ужасными условиями; его отвращение было направлено на «грех», а не на «грешника» (когда он не забывал делать это фальшивое разграничение). (Существуют некоторые намеки на то, что частично виной этому был некий неудачный опыт, полученный в иноческой среде британской частной школы).

Так, Оруэлл, который считается человеком, символизирующим все английское не в меньшей степени, чем ростбиф и теплое пиво, родился в Бенгалии и первую свою работу опубликовал на французском. Оруэлл, который никогда не любил Шотландию и шотландский культ, построил свой дом на Гебридских островах (по общему мнению, необитаемых) и оказался одним из немногих писателей того периода, предугадавших потенциальную силу шотландского национализма. Оруэлл, который в юности мечтал всадить штык в кишки бирманского жреца, становится защитником независимости Бирмы. Странник равноправия и социалист, в то же время он раздумывает о вреде централизации и государственной ответственности. Человек, ненавидящий милитаризм, поддерживает войну ради спасения страны. Брезгливый анахорет, выпускник частной школы ночует под открытым небом в компании босяков и уличных женщин и заставляет себя терпеть в ночлежках клопов и нечистоты. Самое неожиданное в этом его дауншифтинге состоит в том, что осуществлен он был с сознательной самоиронией, но без тени религиозного самоуничижения или смирения. Враг ура-патриотизма и агрессивного христианства был лучшим автором, писавшим о патриотической поэзии и литургической традиции.

Эти творческие метания, помноженные на с трудом обретенную уверенность в собственных убеждениях, позволяли Оруэллу проявлять необычную прозорливость не только по поводу всяких «измов» – империализма, фашизма, сталинизма, – но и разбираться во многих темах и вопросах, и сегодня не дающих нам покоя. Перечитывая собрания его сочинений, погружая себя в обширный новый материал, собранный в образцовом труде профессора Питера Дэвидсона, я чувствовал, что нахожусь в обществе писателя, все еще необыкновенно современного. Вот несколько тому примеров:

– его работы об «английском вопросе»⁶, а также на схожую тематику, включающую региональный национализм и европейскую интеграцию;

– его убежденность в важности языка, предвидение того, что многие современные дебаты будут строиться на основе использования наукообразного жаргона, бюрократизмов и с учетом «политкорректности»;

---

⁶ В узком смысле – вопрос о роли Англии в истории Британии, в широком – вопрос о роли Англии (и Великобритании) в мире. – *Прим. ред.*

- его интерес к народной или популярной культуре и к тому, что сегодня называется «культурологией»;
- его увлеченность проблемой объективности и доказательности истины – центральной проблемой дискуссии, сегодня предлагаемой нам теоретиками пост-модернизма;
- его влияние на развитие художественной литературы, включая романы так называемого течения «рассерженных молодых людей»⁷;
- его тревоги об окружающей природной среде, о том, что сегодня признается экологическими проблемами;
- его активное беспокойство по поводу опасности гонки ядерных вооружений и наличия ядерных держав.

Этот список совсем неполон. В нем есть один зияющий пробел: относительное равнодушие Оруэлла к США как к укрепляющейся господствующей культуре. Но даже здесь он сумел сделать несколько интересных наблюдений и прогнозов, и его работы нашли благодарного читателя среди тех американских авторов, которые ценят английскую прозу и политическую честность⁸. Первым вспоминается Лайонел Триллинг, которому принадлежат несколько острейших наблюдений насчет Оруэлла. Прежде всего необходимо сказать, что он – Оруэлл – был очень скромным человеком, потому что скромность требовалась ему во многом: «Если вы спросите меня, что он защищал, что собой воплощал, мой ответ будет: добродетель не быть гением, добродетель обращаться к миру, вооружившись лишь простотой, прямоотой, честностью и интеллектом, и уважение к сильным качествам человека и к проделанной им работе... Он не был гением – какое облегчение! Это воодушевляет! Потому что благодаря этому понимаешь: то, что было сделано Оруэллом, может быть сделано любым из нас».

Это осознание – дело первостепенной важности еще и потому, что объясняет чистейшую ненависть по отношению к Оруэллу, которую еще можно встретить в некоторых местах. Всей своей жизнью и всеми своими трудами он дискредитировал отговорку «историческим контекстом» и другие невнятные оправдания, суть которых сводится к тому, что при определенных обстоятельствах ничего другого невозможно было сделать. Следующие строки из труда профессора Триллинга – прекрасно сформулированный абзац, в котором он размышляет о природе человеческой принципиальности:

«Оруэлл упорно хватался за мрачную, ироничную гордость старого образа жизни уходящего класса и руководствовался старыми порядками. Иногда его, должно быть, даже удивляло, как так получилось, что он призван воспевать мужество, и благовоспитанность, и послушание, и физическую стойкость. Похоже, он полагал, и вполне вероятно в этом был прав, что все эти качества могут оказаться очень полезными для дела революции».

---

⁷ Рассерженные (или сердитые) молодые люди – группа молодых британских писателей 1950-х гг., основной темой творчества которых был протест молодого современника против окружающей действительности. Представителями этого течения были, в частности, Джон Осборн, Джон Уэйн и др. – *Прим. ред.*

⁸ И продолжают ценить. Немедленно после событий 11 сентября 2001 года, когда огромное количество интеллектуалов и псевдоинтеллектуалов продемонстрировали что-то вроде нейтралитета по отношению к жертвам в Нью-Йорке, и в Пенсильвании, и в Вашингтоне, и к фашистам-теократам из «Аль-Каиды» и «Талибана», по электронной почте люди пересылали друг другу следующий отрывок из «Заметок о национализме», эссе Оруэлла 1945 года: «Большинство пацифистов или принадлежат к малоизвестным религиозным сектам, или просто являются проповедниками гуманности, которые выступают против пресечения человеческой жизни и в своих рассуждениях предпочитают не идти дальше этого. Существует, однако, меньшинство интеллектуальных пацифистов, подлинным, хотя и непризнаваемым, мотивом которых выступает ненависть к западной демократии и преклонение перед тоталитаризмом. Пацифистская пропаганда обычно сводится к утверждению, что одна сторона так же плоха, как и другая. Но если присмотреться повнимательнее к описаниям молодых пацифистов, то можно обнаружить, что в них нет и следа беспристрастия и что они почти всегда направлены против Британии и Соединенных Штатов» (пер. В. Мисюченко и В. Недовишина). – *Прим. авт.*

«Не давайте сбить себя с толку, – знаменитые слова капитана Мак-Вера из “Тайфуна” Джозефа Конрада, – идите навстречу. Навстречу, всегда навстречу, – вот единственный способ пробиться!»

«Я знал, – в 1946 году напишет Оруэлл о своей ранней юности, – что обладаю умением складывать слова и волей идти навстречу неприятным фактам». Не способностью идти навстречу, а волей, как вы, должно быть, заметили. Прекрасно сказано. О комиссаре, понявшем, что его пятилетний план – полный провал и что люди его ненавидят либо смеются над ним, можно сказать, что он как минимум столкнулся с неприятными фактами. Примерно то же самое можно сказать о «сомневающемся» священнике. Реакция подобных людей на неприглядную действительность редко бывает активной по отношению к себе, у них нет «воли идти навстречу». Противодействие фактам принимает форму уверток, реакцией на неприятное открытие являются усиленные попытки отрицать очевидное. «Неприятные факты», навстречу которым идет Оруэлл, обычно оказываются тем, что подвергает проверке его собственную позицию и его собственный выбор.

Оруэлл, несколько лет проработавший в радиоподразделении ВВС, драматически популяризовавший концепцию всемогущих «телекранов»⁹, умер слишком рано и в бедности, еще до того, как эпоха затягивания поясов сменилась эпохой знаменитостей и всемогущих СМИ. У нас нет ни одной записи, которая могла бы достоверно рассказать, как бы он выглядел или звучал на телевизионных шоу. Возможно, это и к лучшему. На его фотографиях мы видим человека худого, почти изнуренного, но явно обладающего чувством юмора; гордого, но ни в коем случае не тщеславного. И да, по правде говоря, у нас есть записи его голоса, и не похоже, что мы достигли уровня, позволяющего сказать, что у нас больше нет острой в них необходимости. Что же касается его «моральной гениальности» – фраза Роберта Конквеста, случайно оказавшаяся в оппозиции к мыслям Триллинга, – в деталях ли она проявилась? Возможно, да, возможно, и не только.

---

⁹ Прямая отсылка на устройство, описанное в романе «1984», – телевизор, оснащенный камерой слежения, транслирующей информацию о владельце полиции мыслей. – *Прим. ред.*

I. Оруэлл и империя

Про Оруэлла как-то раз писали, что он, вращаясь в обществе безработных и неимущих Британии, ассимилировался в своей родной стране. Замечание это даже глубже и точнее, чем кажется на первый взгляд, что я в дальнейшем надеюсь доказать, однако прежде всего хочу обратить внимание на глагол «ассимилироваться», который можно заменить более простым «отуземиться». Так презрительно говорили о белом человеке, не выстоявшем под гнетом обстоятельств. «Туземец» – колониальное слово для чурки, или ниггера, или узкоглазого, высокомерный термин, обобщающий все покоренные народы. Так бывает: юноша неопытный, отдаленный от родины океаном, начинает вести себя неподобающе – пьянствовать, или прохлаждаться, или, в особо вопиющих случаях, сожительствовать с местной девушкой или парнем. Старшие и более стойкие товарищи из числа чиновников или бизнесменов способны распознавать и гасить подобные симптомы – это часть их работы.

Старый парадокс: в стремлении повелевать меньше соблазнов, чем в стремлении подчиняться. Мы не можем достоверно сказать, что побудило Оруэлла отказаться от жизни колониального полицейского, однако похоже, без этого принципа со всей его двусмысленностью здесь не обошлось. Современное толкование слова «озвереть» в значении перехода к грубому или жестокому обращению сильного со слабыми («зверства Российской армии в Чечне» и так далее) глубоко ошибочно. В действительности смысл этого слова глубже – это буквальное описание эффекта расчеловечивания, который оказывает на сильного его собственная жестокость.

«В Моулмейне – это в Нижней Бирме, – пишет Оруэлл в начале своего эссе “Как я стрелял в слона”, – я стал объектом ненависти многих людей; с того момента моя персона уже никогда не имела столь важного значения для окружающих. В городе, где я занимал пост окружного полицейского...»¹⁰ Прелестное совпадение – топоним Моулмейн также фигурирует в первой строчке «По дороге в Мандалай», прекрасного и не перегруженного смыслами стихотворения Киплинга, полного имперской ностальгии. («Там, где пагода в Мулмэйне сонно смотрит на залив/Знаю, есть одна девчонка, что вздыхает, полюбив»)¹¹. Однако в оруэлловском описании нет романтики; он явно опасается, что опыт службы копом превратит его в садиста или бездушную машину. В эссе «Казнь через повешение» он описывает гнетущую абсурдность казни и пугающую наигранность шуток из репертуара висельного юмора; честность Оруэлла заставляет его сознаться, что и он присоединился к пустоголовому веселью. В «Как я стрелял в слона» Оруэлл дает короткую зарисовку имперской ментальности с самой омерзительной ее стороны:

«Уже тогда я осознал, что империализм есть зло и чем скорее я покончу со службой и распрощаюсь со всем этим, тем лучше. Теоретически и, разумеется, негласно я безоговорочно вставал на сторону бирманцев в их борьбе против угнетателей-англичан. Что же касается службы, то к ней я питал столь лютую ненависть, что, наверное, даже выразить не смогу. На такой должности вплотную сталкиваешься со всей грязной работой имперской машины. Скорчившиеся бедолаги в клетках вонючих камер предварительного заключения; посеревшие, запуганные лица приговоренных к длительному сроку; шрамы на ягодицах мужчин, подвергшихся избиению бамбуковыми палками, – все это вызывало во мне нестерпимое, гнетущее чувство вины».

---

¹⁰ Здесь и далее перевод эссе М. Теракопьян.

¹¹ Пер. В. Луккарева. «Мулмэйн» – поэтическая передача старого названия Моламьяйна – Моулмейн, которое, естественно, использует и Оруэлл. – *Прим. ред.*

Эта личная неприязнь, это смятение собственного духа никоим образом не перерастали в симпатию к «туземцам», которые превращали работу Оруэлла в каторгу, как только у них доставало для этого сил; и мысль о том, что поспешность, с которой он оставил службу, объясняется страхом свыкнуться с этим противоречием, представляется по меньшей мере не лишенной оснований. Флори, главный герой более позднего романа, «Дней в Бирме», за образом которого угадывается задыхающаяся от зноя вселенная банановых республик Грэма Грина, которая увидит свет лишь спустя несколько лет, вынужден жить в «комически бездарном, бесплодном мире. Мире, где сама мысль под цензурой... Свобода слова невысказана... потайной бунт разъедает, как скрытая болезнь. Живешь сплошной ложью»¹². Вне всякого сомнения, мы видим яркий прообраз Уинстона Смита из «1984», без преувеличений, что подтверждается воспоминаниями Кристофера Холлиса, друга и современника Оруэлла, который навестил его в Бирме в 1925 году, где застал своего товарища, погруженного в высокомерные размышления в духе банального принципа закона-и-порядка: «Он из кожи вон лез, чтобы быть хорошим имперским полицейским, объясняя, что все эти теории об излишней жестокости и запрете телесных наказаний очень хороши для частных школ, но совершенно не работают с бирманцами».

Четыре года спустя на страницах парижского издания *Le Progrus Civique* появилась написанная неким Э. А. Блэром статья под французским заголовком '*Comment on exploite un peuple: L'Empire britannique en Birmanie*' («Как эксплуатируется нация: Британская империя в Бирме»). Эту статью вполне справедливо можно было бы характеризовать как бесстрастный деловой отчет: она начиналась с подробных описаний топографических и демографических особенностей страны и продолжалась доскональным изучением методов, практикуемых колониальной державой для того, чтобы как липку ободрать бирманцев, отобрав у них и природные ресурсы, и плоды их собственного труда. В общей сложности это было исследование срежиссированной экономической отсталости, тех средств, с помощью которых сырьевые запасы одной страны обеспечивают индустриальный прогресс другой. Но кто-то, возможно, расслышал появление в статье другого мотива: острого и печального интереса автора к покорности и пассивности жертв, которые ничего или почти ничего не знали о мире больших денег, путь в который для их нации был закрыт.

Эта статья была последней из серии эпизодически печатавшихся в прогрессивной парижской прессе материалов под именем «Э. А. Блэр», его настоящим именем – так его звали в Итоне, так его звали в полиции Бирмы, – от которого он не отказывался вплоть до появления в 1933 году повести «Фунты лиха в Париже и Лондоне», подписанной «Дж. Оруэлл». Самая первая заметка этого цикла, опубликованная еженедельником *Monde* Анри Барбюса, представлявшим собой культурно-литературную трибуну коммунистической партии Франции, разбирала проблему цензуры в Великобритании. Эта заметка, будучи детальным исследованием поставленного вопроса, содержала, помимо прочего, одно любопытное умозаключение. Британские власти, писал «Э. А. Блэр», не придерживались столь строгих нравов, как пуритане, и не видели особой необходимости в цензуре вплоть до укрепления в обществе протестантской и капиталистической этики. Довольно заурядная мысль даже для того времени, но важно то, что в ней проскакивает будущий непреходящий интерес к тому, как связаны между собой власть и подавление сексуальности (и нельзя сказать, что эта тема отсутствует в раздумьях его героя Флори в душном воздухе «Дней в Бирме»).

То, что заметки Оруэлла, написанные с самого дна бездны, его повествования о временах, когда он за гроши мыл посуду в Париже и бродяжничал в Лондоне, скитаясь от одной ночлежки к другой, демонстрируют его деликатный интерес к так называемому «национальному вопросу», никогда специально не подчеркивается. С точки зрения Оруэлла, сильным

¹² Пер. В. Домитеевой.

звеном низших слоев парижского общества выступают алжирцы, марокканцы и другие уроженцы французской Африки. По возвращении же на родину вынужденный слоняться между Вапингом и Уайтчепел автор отмечает: «Женщины в Ист-Энде хорошенькие (возможно, результат смешения кровей), Лаймхауз щедро приправлен Востоком – и китайцы, и отпущенные в увольнение моряки-индийцы, и торгующие шелковыми платками дравиды, и даже несколько бог знает как попавших сюда сикхов»¹³. Не каждый молодой человек в возрасте около двадцати восьми лет, только начинающий зарабатывать на жизнь своими писаниями, смог бы отличить дравида от сикха, не говоря уже о том, чтобы определить родной порт встреченных иноземных моряков.

В мае 1936 года Оруэлл пишет своему агенту, Леонарду Муру, письмо с тем, чтобы, помимо прочего, обсудить поступившее от американского продюсера предложение написать сценарий по «Дням в Бирме». «Если из всего этого проекта может что-нибудь получиться, – пишет Оруэлл, – я бы предложил для него название “Бремя черного человека». Не знаю, является ли эта шутка первой версией ироничной перефразировки Киплинга, которая звучала с тех пор много раз (самый свежий пример – превосходная история доколониальной Африки, написанная Бэзиллом Дэвидсоном), однако она прекрасно иллюстрирует неоднозначное отношение Оруэлла к великому поэту и вполне однозначное его отношение собственно к заявленной теме – показатель его принципиального отказа судить о литературе с точки зрения политических стандартов. Во вступительной части своего эссе 1940 года Оруэлл вспоминает случай проявления отвратительного насилия в порту города Коломбо, свидетелем которому он стал в первый же день своего пребывания в Азии. Под общий одобрительный гул наблюдавших за инцидентом пассажиров-англичан белый полицейский награбил яростным пинком местного кули:

«Это было около двадцати лет назад. Случаются ли подобные вещи в Индии по сей день? Полагаю, что, возможно, да, однако происходит это все реже и реже. С другой стороны, в наши дни где-то некий немец бьет ногой поляка, и это совершенно точно. Некий немец где-то пинает еврея, и это также совершенно точно. Достоверно известно (*по свидетельствам немецкой прессы*), что немецкие фермеры приговариваются судом к тюремным срокам за проявленную преступную мягкость в отношении к работающим на них польским заключенным. Результатом мрачных событий последних двадцати лет стало распространение расизма в самом сердце Европы... расизма совершенно особого рода. Это расизм не народов поработанных, но народов-поработителей. Это – доктрина, изображающая эксплуатируемых людей не принадлежащими к *роду человеческому*, что уводит уровень эксплуатации за все разумные пределы.

Реальная власть практически любой аристократии опирается на народ, от нее отличный. Норманны господствуют над саксами, германцы – над славянами, англичане – над ирландцами, белые люди – над людьми черными и так далее, и так далее. До сих пор в нашем собственном языке остаются свидетельства нормандского господства. Аристократу гораздо проще оставаться безжалостным, представляя, что собственная его кровь и плоть совершенно отлична от плоти и крови холопа. Отсюда – нездоровый интерес к расовым различиям, вся эта современная муть о форме черепов, разрезе глаз, составе крови и прочее, и прочее. В Бирме мне приходилось слышать расовые теории не столь, возможно, жестокие, как доктрина Гитлера, но точно не менее идиотские».

Совсем недавно я был занят чтением эссе покойного С. Вэнна Вудворда, блестящего американского историка, автора академических трудов о «Старом Юге». Однажды ему довелось исследовать параллели между рабовладением в Америке и крепостничеством в России. Тогда он обнаружил (и это не сильно его удивило), что российские аристократы действи-

¹³ Пер. В. Домитеевой.

тельно были убеждены в принадлежности своих холопов к существам низшего порядка. (К примеру, бытовало мнение, будто кости у них черные...)»¹⁴

В период написания этого эссе Оруэлл пристально следил за развитием ситуации в Северной Африке, глубоко сожалея о том, что правительствам Англии и Франции не хватает воображения, чтобы организовать вторжение во Французское Марокко и помочь установить там независимый антифранкистский режим во главе с изгнанными испанскими республиканцами. Во время испанской гражданской войны подобная формула, пусть и несколько адаптированная к военным условиям, предлагалась левым фронтом испанской революции. Левые поддерживали независимость Марокко из принципа, хотя и не без мысли о том, что поскольку изначально военно-фашистский мятеж Франко вспыхнул именно в Марокко, подобная стратегия дает хороший шанс ослабить его тылы. Официальные левые, а в особенности – сталинисты, выступали против данного плана на том основании, что его реализация может вызвать раздражение французских и английских властей, у которых в Северной Африке были свои интересы. Не собираясь ограничиваться этими малодушными доводами, они развернули шовинистическую пропаганду против диких «мавров», которых принудительно призвали под католические знамена крестового похода Франко. Хотя маврам приписывалась крайняя жестокость, и сражавшиеся на стороне республики изо всех сил старались не попадать к ним в плен, однако в текстах Оруэлла того периода в отношении к подданным испанских колоний не проскакивает ни тени ксенофобских – или, в современной терминологии, расистских взглядов. (Более того, перед самым началом Второй мировой войны Оруэлл провел в Марокко пару сезонов за написанием романа, и его записи того периода полны искренней симпатией к населению страны, включая евреев и берберов).

Его глубокое неприятие империализма настойчиво и громко звучит в каждой теме его творчества. Неприятие это может принимать противоречивые формы – он искренне восхищался строками Киплинга: «Пускай вам кажется смешным грошовый наш мундир. Солдат-то дешев, но хранит он ваш покой и мир»¹⁵, поскольку ему казалось, что в них верно схвачено ханжество, во многом свойственное либерализму сытых. Однако в общем и целом он всегда настаивал на том, что колониальный «рэкет» развращает британцев и приводит к деградации жителей колоний. Даже в годы Второй мировой войны, когда господствующие умонастроения формировались желанием не-раскачивать-лодку и сплотить ряды перед общим врагом, Оруэлл придерживался мнения о том, что одним из исходов войны должна стать деколонизация. В серии брошюр под названием «Прожектор», составителем которой он был, звучали его требования повысить статус Индии с колонии до полноценного и независимого союзника («Лев и единорог»). В этой же серии появилась его вступительная статья к брошюре Джойса Кэри «Свобода Африки». Работая в индийской службе ВВС, где, по его собственным словам, сражался за то, чтобы сохранить чистоту «их маленького уголка эфира», трудился бок о бок с признанными сторонниками независимости, которые могли оказаться и коммунистами, и националистами.

В действительности он не просто сохранял чистоту их маленького уголка, он делал гораздо больше. Его радиожурнал «Голос» был высококачественной передачей о литературе, где самые современные идеи излагались без тени снисходительной надменности, где обсуждались новейшие произведения Э. М. Форстера, Т. С. Элиота, Стивена Спендера, Уильяма Эмпсона и Герберта Рида. Благодаря «Голосу» его аудитория, состоявшая из образованных индийцев, была в курсе последних тенденций. В серии авторских комментариев на военную тему Оруэлл особое внимание уделял забытым «фронтам», делавшим эту войну мировой:

¹⁴ Это любительское упражнение в антропологии можно оставить на совести американского историка, списав буквальное толкование фразеологизма на слабое знание русского языка и истории. – *Прим. ред.*

¹⁵ «Томми Аткинс», пер. С. Маршака.

столкновениям колониальных и антиколониальных сил в Эфиопии, Тиморе, на Мадагаскаре, Яве, в Марокко и других местах, где обещания союзников сражаться на стороне свободы подвергались серьезному сомнению. Когда его приглашали выступить в передачах, транслирующихся в Индии, под его собственным именем, аргументируя это высокой его популярностью на субконтиненте, он ставил обязательным условием возможность без оговорок и купюр излагать свои антиколониальные взгляды. В своих письмах он неустанно критиковал недостаток мужества и шаткость принципов британского правительства в центральном вопросе индийского самоуправления и никогда не прекращал доказывать, что предоставление независимости само по себе было бы крайне желательным шагом и, кроме того, могло бы стать сильным тактическим ходом перед лицом японской агрессии. Он практиковался в некоторых известных ему азиатских языках и всегда живо интересовался происходящим в нежно любимой им Бирме.

В 1938 году, сам того не зная, он прошел «проверку» со стороны министерства по делам Индии. Один либерально настроенный редактор в Индии хотел пригласить Оруэлла в качестве автора редакционных статей для издания *Pioneer*, г. Лакхнау, и обратился по этому поводу за советом к лондонским властям. В ответ им был получен настоящий шедевр бюрократической утонченности за авторством А. Ч. Джойса, начальника отдела информации министерства по делам Индии:

«По некотором размышлении у меня не возникло сомнений в его способностях как автора редакционных статей, однако полагаю, что, принимая во внимание то, что я рассматриваю не просто как принадлежность к левому крылу, но, возможно, как склонность к экстремистскому мировоззрению и очевидную силу характера, вам следует быть готовым к затруднениям, когда дело дойдет до столкновения взглядов...»

Этого своего уважения к «очевидной силе характера» Оруэлла министерство иностранных дел не раскрывало вплоть до 1980 года: до сих пор остаются закрытыми некоторые разделы заведенного на него досье. Надзор за вещанием Имперской службы BBC осуществлял все тот же А. Джойс. Огромное количество времени Оруэлл тратил на то, чтобы обойти, избавиться от подобного надзора и вмешательства. С одной стороны, Оруэлл был вынужден посоветовать Э. М. Фостеру не упоминать работ К. С. Шелванкара на том основании, что книги его в Индии были запрещены. Однако всего несколько месяцев спустя мы видим Оруэлла, пишущего Шелванкару с просьбой выступить с несколькими передачами на тему истории фашизма под собственным своим именем. Бирманский коллега Оруэлла (из Моулмейна) по имени М. Мьят Тан получил строгий выговор от Джойса за передачу «Значение тред-юнионизма для рабочего». Посвященная этой дискуссии раздраженная записка Джойса позволяет предположить, что он подозревает, что за всем этим стоял как раз сам Оруэлл.

При написании романа «1984» Оруэлл, несомненно, использовал свой опыт работы на BBC. Комната, в которой проходили редакторские совещания Восточной службы компании, – номер 101 в здании штаб-квартиры BBC на Портленд Плейс, само по себе являющемся возможным архитектурным прототипом «Министерства правды» («миниправ»). Более того, в описаниях концепции интеллектуального двуличия и головокружительных перемен курса политической линии очевидно слышится нечто, с чем ежедневно сталкивался Оруэлл, имея дело с пропагандой. В августе 1942 года, сразу же после того, как все руководство Индийского национального конгресса было арестовано британцами, Оруэлл пишет в своем дневнике следующие строки:

«Сегодня в эфире был Хоррабин, и, как обычно, мы представили его как человека, составлявшего карты для «Набросков истории» Уэллса и «Взгляда на всемирную историю» Неру. Информация эта проталкивалась при каждом удобном случае, реклама запускалась задолго до передачи, связь Хоррабина с Неру способна привлечь многих в Индии. Сегодня

все упоминания о Неру были вырезаны из анонса – Н. в тюрьме и поэтому теперь он Плохой парень».

Оруэлл часто делал ссылки на радиовыступления Черчилля, отношение к которому у него колебалось от полного восхищения до неприятия иногда проскакивающего у Черчилля высокопарного тона. Возможно, его бы позабавило открытие факта, разглашенного лишь в конце 1970-х годов, – многие из этих звездных упражнений в риторике были записаны и выпущены в эфир мистером Норманом Шелли, обладавшим способностью к мимикрии актером, ведущим «Детского часа», который занимал одну из самых маленьких студий в штаб-квартире на Портленд Плейс. Для масс голос чревовещателя стал голосом Лидера...

В душе читателей «1984» найдет свой отклик и одна ранняя дневниковая запись, утрированно аполитичная: «Единственное время, когда в офисе ВВС можно было услышать поющие голоса, было раннее утро, между 6 и 8 часами. В это время работали приходящие уборщицы. Огромная их армия прибывала всегда в один и тот же час. Они усаживались в приемной в ожидании, когда им выдадут их щетки, щебеча так громко, как если бы комната была заполнена попугаями, а затем, метя коридоры, чудесно пели хором. В это время в офисе была совершенно другая атмосфера, чем та, что царил в другие часы».

Это та самая концепция женщины-«труженицы», обладающей способностью выжить в условиях диктатуры Партии (просто ее игнорируя), извечный и непреходящий образ материнского начала.

Способность Оруэлла к едкой иронии никогда его не оставляла, и не всегда ирония эта была направлена только против его скучного политического руководства. В апреле 1942 года Неру – официально оставаясь еще «хорошим парнем» – выступил с обращением к индийскому народу, употребив перефразировку строчки из стиха Киплинга «За все, что есть у нас». «Из сегодняшней речи Неру: “Кто мертв, коль Индия жива?” Это произведет впечатление на прогрессивную общественность, и как же дальше они будут насмехаться над “Кто мертв, коль Англия жива”? В отличие от некоторых представителей «прогрессивной общественности» Оруэлл никогда не романтизировал жертв колониализма, его часто раздражала ограниченность и склонность к межконфессиональной вражде определенных борцов за свободу Индии. В своих советах некоторым азиатским коллегам он прилагал все усилия, убеждая их не обходить вниманием бедственное положение евреев в Азии. И хотя сам Оруэлл ни в коей степени не являлся энтузиастом сионизма, он без устали опровергал заявления Германии и Японии, будто попытки спасения европейских евреев являются частью плана колонизации Палестины. Он твердо стоял на позиции интернационализма, насколько только это было возможно в атмосфере поддерживаемого государством патриотизма.

Оказавшись в конце войны в Париже в качестве корреспондента, он продолжал уделять особое внимание распространению борьбы с фашизмом на третий мир. Он с энтузиазмом относился к редакционной политике *Libertés*, парижского издания, левосоциалистического эквивалента *Tribune*, которое стойко следовало антиколониальной линии. Оруэлл был одним из немногих, кто понимал значимость попыток генерала де Голля восстановить влияние Франции в Индокитае. В своем сообщении для *Observer* он комментирует это так:

«События во французских заморских территориях вряд ли смогут пробиться на страницы французской прессы, если только не случится какой-нибудь дикости. Только покопавшись в малоизвестных непонятных изданиях, возможно узнать, к примеру, что в Алжире и Марокко органы власти правительства Виши все еще более-менее функционируют, а местная социалистическая и коммунистическая пресса вынуждена бороться за выживание в конкуренции с хорошо субсидированными изданиями реакционного толка... Забавно, что здесь мало принимают в расчет стратегическую зависимость Французской империи от других сил. Огромные ее территории без британской и американской помощи оказались бы довольно

беззащитны, и что особенно очевидно, крайне маловероятно, что Индокитай сохранился бы в ее владениях без согласия на то со стороны Китая...»

Эти краткие строки могли бы послужить вступлением к тому, что вскоре станет известно всему миру под названием вьетнамской войны; не пройдет и десяти лет, и французское военное влияние во Вьетнаме и Комбодже будет вытеснено влиянием Соединенных Штатов, а коммунистический Китай окажется в числе государств, подписавших Женевские соглашения, временно разделившие Вьетнам на северную и южную части. Атмосфере этой тихой американизации там, где был Французский Индокитай, суждено было воплотиться через несколько лет на страницах романа «Тихий американец» Грэма Грина. (В 1948 году на страницах *New Yorker* Оруэлл не удержался от выпада в адрес Грина. Составляя рецензию на роман «Суть дела», он пришел к выводу, что образ майора Скоби является совершенно неправдоподобным ни с богословской, ни с матримониальной точки зрения, и с жаром написал: «И можно добавить, что если бы он был тем человеком, каким он, как нам говорят, и является, – то есть человеком, основная черта характера которого – страх причинить боль, – он не мог бы быть офицером подразделения колониальной полиции». Дни в Бирме не оставляли Оруэлла до конца его жизни.)

Мэри Маккарти, большая почитательница творчества Оруэлла, на страницах своего романа «Надпись на стене» призналась, что всегда испытывала некий тайный страх. Неприимимая антикоммунистическая позиция Оруэлла, опасалась Маккарти, не позволила бы ему присоединиться к ней в протесте против американской войны во Вьетнаме. (В интервью того же времени и Ноам Хомский, и Норман Мейлер приводили труды Оруэлла в качестве основания для своей активной антивоенной позиции.) Однажды я имел честь рассказать мисс Маккарти, почему я считаю, что они – правы, а она ошибается: очевидно, что он выступал за деколонизацию без всяких условий и оговорок, что ясно из всего, им написанного, а поэтому Оруэлл ясно распознал бы амбициозное намерение Соединенных Штатов выступить в роли имперского преемника. Все оставшиеся сомнения на этот счет были развеяны благодаря письму, которое он написал герцогине Атоллской в ноябре 1945 года.

Она пригласила его выступить с трибуны Лиги свободы для Европы на митинге протеста против жестокости коммунистического режима в Югославии. Он ответил:

«Безусловно, все, произносимое с ваших трибун, – более правда по сравнению с ложью пропаганды, распространяемой большинством газет, однако я не могу позволить связать свое имя с по существу консервативной группой, которая заявляет о защите демократии в Европе, но о британском империализме не говорит ни слова. Мне кажется, что сегодня позволительно клеймить преступления, совершаемые в Польше, Югославии и так далее, только в том случае, если одновременно ты столь же убежденно призываешь покончить с нежелательным правлением Британии в Индии. Я принадлежу к левым и должен работать среди них, сколько бы я при этом ни ненавидел русский тоталитаризм и его ядовитое влияние на эту страну».

Для герцогини, возможно, обращение к Оруэллу в принципе было наивностью: к тому времени он уже написал для *Tribune* испепеляющий отзыв о собрании ее Лиги, где напомнил читателям о ее предыдущей роли преисполненной энтузиазма сторонницы испанских коммунистов:

«Прошло всего около семи лет с тех пор, как герцогиня – «Красная герцогиня», как ласково ее величали, – была любимой игрушкой для *Daily Worker* и своим авторитетом добавляла значительный вес к любой лжи, которую случалось тогда высказывать коммунистам. Сегодня она сражается с чудовищем, которое помогла произвести на свет. Я уверен, что ни она сама, ни ее бывшие коммунистические друзья не извлекут из этого никакой морали».

В любом случае самым наивным с ее стороны было ему ответить. Ухватившись за поднятый Оруэллом индийский вопрос, она обрушилась на него с поучениями: «Не думаю, что

дети и слишком молодые люди готовы разделить ответственность самоуправления, я также считаю, что мы вынуждены признать существование в Империи рас, в этом отношении более юных, чем мы сами, а следовательно, нуждающихся в аккуратном руководстве на пути, ведущем к самоуправлению». Киплинг в своем «Бремени белого человека», безусловно, более красноречиво изложил концепцию народов-детей:

На каторжную работу –
Нету ее лютей, –
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей¹⁶

Было бы очень неразумно забывать, как долго среди британцев бытовал подобный подход, как много Оруэлл с ним боролся и как много вынес он из этой борьбы.

Через год или около того Оруэлл публикует в *Tribune* гневную отповедь появившейся на страницах *Daily Herald* заметке, являвшей собой образец некомпетентного популизма:

«1 января 1947 года *Daily Herald* вышла с заголовком “Люди, говорившие от имени Гитлера”. Под этим заголовком – фотография двух индусов, также сообщается, что люди эти прибыли “из Берлина”, их имена – Бриджлал Макерджи и Анджит Сингх. В продолжении мы читаем в размещенной под фотографиями новостной колонке, что “четыре индуса, которых следовало бы расстрелять как предателей”, разместились в лондонском отеле, далее следует описание нескольких индусов, во время войны работавших на немецком радио, как “коллораборационистов”. Стоит внимательнее взглянуть на каждое это утверждение в отдельности.

Для начала, здесь есть две фактические ошибки, одна из них – очень грубая. Анджит Сингх не вел передач на нацистском радио, он выходил в эфир только с итальянских станций, в то время как человек, названный “Бриджлалом Макерджи”, – индеец, всю войну проводивший в Англии, хорошо известный как лично мне, так и многим другим людям в Лондоне...»

В продолжении статьи Оруэлл защищает право индийцев действовать, как действуют «граждане оккупированной страны», даже если сам он не согласен с отдельными выбранными ими акциями, и призывает четко отделять их от таких коллаборационистов, как Квислинг или Лаваль, которые предали свои собственные народы. Он заканчивает статью, обращая внимание на то, что «фотография» Бриджлала Макерджи на самом деле является фотографией кого-то другого, и саркастически вопрошает: совершила бы газета столь вопиющую ошибку, если бы речь шла о белом человеке? «Но поскольку это всего лишь индус, ошибки такого рода не имеют значения, – вслух об этом не говорят, но таково всеобщее мнение. И это происходит не в *Daily Graphic*, а в единственной британской лейбористской газете».

Пребывая на службе в Азии, Оруэлл взял на себя труд выучить хиндустани¹⁷ и бирманский язык, а также более загадочный для широкой публики каренский язык горных бирманских народностей. К тем британским поселенцам, которые провели в этой части мира всю жизнь, не выучив ничего, кроме нескольких выражений-команд, позволявших распоряжаться слугами, Оруэлл чувствовал презрение, не делая исключения и для членов своей семьи. По той же причине неподдельный его интерес вызывало немалое количество индийцев, освоивших английский на уровне литературного мастерства, а также группа писателей англо-индийского происхождения, среди которых был, к примеру, Кедрик Довер. В июле

---

¹⁶ Пер. В. Топорова.

¹⁷ Хиндустани – лингва франка Северной Индии (до раздела Индии термины «хиндустани», «хинди» и «урду» были синонимами, хотя эти языки все же несколько отличаются друг от друга). – Прим. ред.

1942 года в обзоре романа под названием «Меч и серп», написанном его другом, Мулком Раджем Анандом, Оруэлл рассказывал читателям *Horizon*:

«Бурное развитие англоязычной индийской литературы, особенно в последнее время, – довольно странный феномен, который еще окажет свое воздействие на мир после войны, если не на сам ее исход... На настоящий момент английский язык в Индии в значительной степени является языком официального и делового общения: пять миллионов индусов могут грамотно на нем писать, еще миллионы общаются на упрощенной его версии; пресса на английском языке в Индии выходит огромными тиражами, а единственный англоязычный журнал, полностью посвященный поэзии, редактируется индусами. Кроме того, индусы в среднем имеют лучшее произношение и грамотнее пишут на английском, чем представители любого европейского народа...»

Сделав в своем анализе столь далеко идущие выводы, в заключении Оруэлл начинает отыгрывать назад, выдвигая предположение, будто конец имперского правления приведет к сворачиванию использования английского языка в Индии. (Помимо всего прочего этот горький его пессимизм заставлял Оруэлла считать радиовещание на Индию пустой тратой времени, хотя влияние его было гораздо значимее, чем он предполагал.) Тем не менее в 1943 году он вернулся к этому вопросу на страницах *Tribune*, на этот раз напрямую обращаясь к Ананду посредством открытого письма-обзора: «Наилучшим мостом между Европой и Азией, лучшим, чем торговля, чем линкоры или аэропланы, является английский язык; и я надеюсь, что и Вы, и Ахмед Али, и другие продолжите на нем писать, даже если из-за него Вас подчас называют «бабу»¹⁸ (как это было недавно) на одном конце земного шара и ренегатом – на другом».

Когда Салман Рушди в 1997 году выпускал собственную антологию англоязычной индийской литературы под совместной редакцией с Элизабет Вест, он подчеркивал, насколько жизнеспособным, в ничуть не меньшей, если не большей степени, чем раньше, оказался английский язык в качестве литературного посредника между субконтинентом и его диаспорой. Разумеется, он тоже попал под горячую руку некоторых чересчур усердных патриотов «на исторической родине». Но полки книжных магазинов Англии, заставленные книгами Рохинтона Мистри, Арундати Рой, Панкаджа Мишры, Ханифа Курейши, Аниты Десаи, Викрама Сета и многих других, включая рожденную полькой Рут Правер Дхвобвалу¹⁹ (к слову сказать, любопытный факт, среди прочего позволяющий поставить интересный вопрос: где же именно находится та самая «историческая родина?»), ярче всего свидетельствуют о его правоте. Предыдущее поколение английских читателей уже успело насладиться творчеством Нирада Чаутхури, Р. К. Нарайана и Г. В. Дисани (чье имя для некоторых из нас – бессмертно). В предисловии к своей работе, вышедшей через пятьдесят лет после обретения независимости, Рушди говорит следующее:

«Написанная за этот период *работающими на английском языке* индийскими писателями проза – как художественная, так и публицистическая, – собрание произведений более сильных и значительных, чем большинство из тех, что вышли за тот же период времени на 16 официальных языках, так называемых местных языках Индии. И безусловно, эта новая, все еще дающая свежие побег «индо-английская» литература представляет собой, возможно, наиболее ценный вклад Индии в литературный мир».

Непосредственно столкнувшись с обвинениями в использовании языка завоевателей, Рушди ответил спокойно, но твердо:

«Мой родной язык, урду, – жаргон военного лагеря предыдущих, мусульманских, завоевателей, укоренился в качестве одного из субконтинентальных языков много лет назад; то

¹⁸ В Индии – англизированный туземец, пренебрежительно. – *Прим. пер.*

¹⁹ Рут Правер родилась в семье польских евреев, в Кельне; в 1939 году семья Рут бежала в Англию. – *Прим. пер.*

же самое происходит сейчас и с английским языком. Английский становится индийским языком... Во многих районах Южной Индии люди предпочитают общаться с приезжими из северных регионов на английском, а не на хинди, который, по иронии судьбы, скорее воспринимается теми, кто говорит на тамили и малаялам, языком колонизаторов, чем английский, что приобрел на Юге статус лингва франка – языка культурного нейтралитета).

В антологии Рушди почетное место занимает короткий рассказ Мулка Раджи Ананда под названием «Лжец». Рушди презрительно называли «бабу», но он во многих смыслах оказался выше оскорблений.

Не будет преувеличением сказать, что, возможно, яркая наглядность и мужество прозы Оруэлла, качества, благодаря которым его произведения с такой готовностью переводятся на польский и украинский языки, сыграли свою роль в превращении английского языка во внеколониальный лингва франка. Как бы то ни было, колониализм в творчестве Оруэлла был одной из его вечных тем, наряду с проблемами жестокости власти, насилия, отсутствия гуманности и грязной, хотя и не слишком очевидной взаимосвязи между тем, кто подавляет, и тем, кто подвергся давлению. Поскольку постепенное освобождение мира бывших колоний является главным достижением его, да и нашего времени, и мир этот через эмигрантов и беженцев все полнее заявляет о своем присутствии в землях «Запада», Оруэлла можно считать одним из основателей направления постколониализма, а книги его – документальным литературным свидетельством исторического преобразования Британии из общества колониального и монокультурного (и парадоксальным образом ограниченного) в многонациональное и мультикультурное общество.

II. Оруэлл и левые

Джордж Оруэлл потратил значительную часть своей молодости на изучение условий жизни рабочего класса Великобритании; не ограничиваясь при этом только ее описанием, он сводил воедино и сравнивал между собой все относящиеся к этому вопросу статистические данные (подготовительная работа и собранные заметки для романа «Дорога на Уиган-Пирс» сделали бы честь самому Фридриху Энгельсу). Когда над Испанией нависла угроза фашизма, он был одним из первых, кто закинул на плечо винтовку, а за спину – походный ранец. В Англии он помогал выживать социалистической прессе на протяжении долгих неблагоприятных для нее лет. К идеалам равноправия он относился с такой непоколебимой серьезностью, что это выглядело несколько старомодно. Его имя с уверенностью можно поставить в один ряд с такими представителями антиимпериалистической традиции, как Э. Д. Морель, Р. Б. Каннингем-Грэхем и Уилфрид Скоуэн Блант; людей, чье «благородное негодование» (слова Джозефа Конрада, посвященные его другу, Каннингеми-Грэхему) заставляло их стать на одну сторону с угнетенными и приносило им известность в других странах, но не в «своей собственной» – как это случилось с современником и коллегой Оруэлла, Феннером Броквейем.

И тем не менее одного имени Оруэлла достаточно, чтобы вызвать в политической и культурной левой среде дрожь отвращения. Позвольте предоставить вам несколько примеров:

«Эссе “Во чреве кита” должно читать как апологию квиетизма...²⁰ Оруэлл похож на человека, одна сторона тела которого обладает повышенной чувствительностью, а другая – будто заморожена. Он очень – иногда крайне – восприимчив к малейшему оттенку неискренности слева, однако откровенная жестокость справа вряд ли сподвигнет его хотя бы на абзац полемической статьи. Поверив огульному неприятию Оруэлла, невозможно предположить, что многие коммунисты, от Тома Уинтрингема до Ральфа Фокса, на самом деле разделяют критическое его отношение к ортодоксии. В “Революции менеджеров” бывшего троцкиста Джеймса Бернхема Оруэлл находит подтверждение существования своего “мирового процесса”, а в трудах бывшего коммуниста Артура Кестлера – подтверждение извращения человеческих мотивов. К 1946 году политика представляется ему “массой лжи, уверток, безрассудств, ненависти и шизофрении” («Политика и английский язык»). “1984” не есть продукт одного ума, он произведен на свет культурой» (Э. П. Томпсон, «Вовне чрева кита», 1960).

«Было бы неверным продолжать, не обсудив сначала смысл, который вкладывал Оруэлл в термин “политика”. Через шесть лет после выхода “Во чреве кита”, в эссе под названием “Политика и английский язык” (1946), он пишет: “В наш век невозможно быть «вне политики». Все проблемы – политические проблемы, а сама политика – это масса лжи, уверток, безрассудств, ненависти и шизофрении”. Стремление сохранять политическую пассивность, призыв к смирению перед обстоятельствами по сути своей консервативны. Политики чувствуют себя увереннее, когда из игры выводятся художники и интеллектуалы. Было время, когда левые и правые Британии спорили о том, кому из них “принадлежит” Оруэлл. В те дни на него претендовала каждая из сторон, и, как выразился Реймонд Уильямс, это перетягивание каната не слишком украшало его воспоминания. У меня нет никакого желания ворошить прошлое с его противостояниями, но невозможно игнорировать правду, а правда

---

²⁰ Квиетизм – религиозное течение в католичестве, предполагающее мистико-созерцательный взгляд на мир и моральную отрешенность. В более широком смысле – непротивленчество, безвольная покорность божественной воле. – *Прим. ред.*

заключается в том, что пассивность всегда поддерживает статус-кво, всегда на стороне тех, кто уже на коне; и Оруэлл эпохи “Во чреве кита” и “1984” защищает идеалы, способные служить лишь нашим хозяевам» (Салман Рушди, «Вовне чрева кита», 1984).

«Устойчивый рост карьеры Оруэлла как политического писателя приходится не на годы, принесшие ему фунты лиха, не на пору его непродолжительного интереса к реалиям империализма («Дни в Бирме»), но совпадает с его воссоединением с родной буржуазной средой и последующим в ней проживанием. Политика оставалась тем, за чем он наблюдал, как настоящий партизан, из уютного мира, где продавал книги, женился, дружил с другими писателями (но только, боже упаси, не с радикалами, которые использовались в качестве источника материала для «Дороги на Уиган-Пирс» и «Памяти Каталонии», а потом бросались), вел дела с издателями и литературными агентами. Отсюда, из подобного стиля, берет свое начало современная западная журналистика – со всеми своими плюсами и минусами, – чья политика – внешне бесстрастное наблюдение. Если в Азии или Африке беспорядки, вы показываете беснование толпы: несомненно тяжелые сцены, представляемые несомненно невозмутимым репортером, который лишен как жалости людей левых взглядов, так и ханжества правых. Однако остаются ли события, увиденные глазами благопристойного и сдержанного репортера, просто событиями? Должны ли мы забыть о сложной реальности, которая и лежит в основе и самого события, и нашей возможности наблюдать с тревожным любопытством за неистовством толпы? Не следовало бы упомянуть о силах, благодаря которым этот репортер или аналитик находится здесь, на переднем плане, и представляет нам весь мир как объект для вполне комфортных переживаний?» (Эдвард Саид, «Туризм среди собак», 1980.)

«Но было бы опасно не видеть того факта, что миллионы людей на Западе, может статься, будут в страданиях и страхе спасаться бегством от собственной ответственности за судьбу человечества и выплеснут свой гнев и отчаяние на огромного монстроподобного козла отпущения, которого оруэлловский «1984» создал перед их глазами»²¹ (Исаак Дойчер, «1984: мистицизм жестокости», 1955).

«Оруэлл подготовил почву для ортодоксальных политических воззрений целого поколения... Рассматривая борьбу как схватку нескольких избранных над головами апатичной толпы, Оруэлл создал условия для поражения, за которым – отчаянье» (Реймонд Уильямс, «Джордж Оруэлл», 1971).

«Оруэлл редко писал об иностранцах, если только – с точки зрения социологии, и даже в этом случае – спустя рукава, что обычно для него не свойственно; также редко он упоминал иностранных писателей и испытывал крайнюю неприязнь к иностранным словам. Хотя он осуждает империализм, жертвы империализма нравятся ему еще меньше. Не удивительно ли ощущать в его “1984” легкий намек на то, что мир, в котором не осталось даже воспоминания о Британии до 1914 года, непременно должен быть бесчеловечным миром? И неужели ошибкой будет видеть, что обитатели “Скотного двора” имеют много общего не только с жителями Советской России, но и с “низшими расами” Киплинга вообще и с бирманцами Флори в частности, которые непременно должны попасть во власть собственной своей мрачной тирании, как только относительно благопристойные британцы их покинут?» (Конор Круз О’Брайен, «Взгляд Оруэлла на мир», 1961.)

---

²¹ Пер. Ю. Жиловца и Е. Литвак.

Все эти цитаты – лишь небольшой, хоть и более чем показательный пример, который можно привести для демонстрации неприкрытой недоброжелательности, злонамеренности и сумбурности мысли, состояния, которое, похоже, самопроизвольно охватывает представителей некоего круга лиц при одном упоминании имени Оруэлла. Хотя, возможно, и не совсем самопроизвольно; сразу бросается в глаза, что многие авторы приписывают Оруэллу колоссальные возможности, и поэтому они совершают распространенную ошибку, упрекая его за его «воздействие», и поэтому они, будучи не в силах удержаться, обрушивают свою критику и на его биографию, не ограничиваясь творчеством, и поэтому они (в этом случае хотя бы напоминая свою мишень) противоречат и сами себе, и друг другу. Могу также добавить, что сам лично довольно откровенно поговорил с каждым из перечисленных авторов, за исключением Дойчера (с его вдовой, Тамарой, я, правда, встречался однажды), а также напомнить, что пусть Конон Круз О’Брайен давно отошел от левой идеологии, в свое время он высоко ценился как непреклонный противник как Оруэлла, так и в чем-то близкого ему автора, Альбера Камю.

Эдварду Томпсону можно было бы возразить (хоть аргумент этот в наши дни поймут немногие), что если бы Оруэлл не упомянул Тома Уинtringема примерно в двадцати своих эссе, само имя его было бы сейчас, скорее всего, забыто. Вернувшись со службы в интернациональной бригаде Испании разочарованным в сталинских методах, Том Уинtringем, вместе с Хамфри Слейтером, близким другом Оруэлла, предполагал, что Британия развернет «народную войну» для защиты от возможного нацистского вторжения. Несмотря на значительные опасения властей, он возглавил штаб Остерли Парка²² и помогал пропагандировать идею создания добровольческих отрядов местной самообороны.

Эта военная доктрина, призванная, с одной стороны, повысить цену возможной высадки для германских войск, а с другой – привлечь и обучить вышедших из призывного возраста людей, нашла в Оруэлле самого деятельного сторонника. В своей журналистской деятельности военной эпохи эта тема временами захватывала его полностью: Оруэлл видел в ней и надежду на будущую демократизацию Великобритании, и воспоминания о поверженной республиканской Испании.

Что же касается Джеймса Бернхема, интеллектуального отца холодной войны (подробнее о нем – в следующей моей главе), – Оруэлл был одним из немногих экспертов, которые осознавали пагубное влияние его проповедей и жестко их критиковали, что крайне уязвляло самого Бернхема. Ни один человек, знакомый с тем, что писал Оруэлл про Бернхема, не мог бы в принципе прийти к выводу, что Оруэлл ищет в трудах Бернхема какого-либо «подтверждения» своих идей. Дело обстоит совсем иначе.

Салман Рушди повторяет ошибку Томпсона насчет квиетизма (повторяется он и в названии эссе, хотя и утверждает, что это – случайность), приводя в пример фразы, вложенные Оруэллом в чужие уста, будто все сказанное произносилось от имени автора. К примеру, в «Во чреве кита» Оруэлл пишет: «И прогресс, и реакция – все оказалось обманом»; «Отдайся созерцанию происходящего в мире... прими его, стерпись, зафиксируй» – станет «формулой, которую сегодня любой чуткий писатель, вероятно, примет на вооружение». Куда же еще ясней? Настолько очевидно, что это – не собственное его мнение, что можно было бы и не упоминать факты из собственной его жизни – последние десять отчаянных лет активной деятельности, посвященной демократии и деколонизации, и два написанных романа ярко выраженной антитоталитарной направленности. Я испытываю крайнюю неловкость, делая замечания моему дорогому другу, читателю более внимательному, чем я сам,

---

²² Во время Второй мировой в Остерли Парк проходили обучение первые добровольцы в школе, которую с разрешения владельца организовал Уинtringем. – *Прим. пер.*

но ошибочное приписывание мыслей и особенностей характера персонажа третьего плана самому автору является грубым просчетом, которого уже в раннем возрасте учат избегать.

Не знаю, почему Эдвард Саид считает, что встреча с человеком в ходе журналистского или социологического исследования требует всю жизнь поддерживать с ним дружеские отношения, однако крайне несправедливо с его стороны обвинять Оруэлла в том, что он «бросил» тех, с кем пересекался во время изучения условий существования обитателей трущоб и фабричных рабочих, или тех, с кем сражался в Испании. Со многими людьми из первой группы он продолжал общаться, навещая их лично или через письма, и особенно яркий тому пример – «пролетарский писатель» Джек Коммон, которому Оруэлл часто пытался подыскать работу и которому предоставил свой коттедж. А его письма и публичные выступления демонстрируют глубокое чувство ответственности перед теми, с кем он был знаком в Испании, а также теми, кто выжил или погиб на фронтах или в тылу, в сталинских застенках, и чувство это не покидало его всю жизнь. Он работал над тем, чтобы вытащить их из тюрем, предать огласке их дела, помочь их семьям и очистить их имена от клеветы, что, возможно, было самым главным. Все это можно найти в материалах, находящихся в свободном доступе.

Я также теряюсь в догадках, на основании чего Саид мог прийти к заключению, что жизнь Оруэлла была «комфортной». Получив пулю в горло, страдая от истощающей силы и потенциально смертельной формы туберкулеза, он жил очень скромно, старался при возможности сам вырастить себе еду и даже делал мебель. Если и было в нем нечто чрезмерное, так это его абсолютное равнодушие к буржуазной жизни, почти вызывающий аскетизм. В том же эссе Саид, критически разбирая Питера Стански и Уильяма Абрамса, двух соавторов, одержимых личностью Блэра/Оруэлла, поздравил их с убедительным образцом тавтологии:

«Оруэлл принадлежит к тем писателям, которые пишут». И могут позволить себе писать, могли бы они еще добавить. Оруэллу они противопоставляют Джорджа Гаррета, с которым Оруэлл встретился в Ливерпуле, одаренного писателя, моряка, портового рабочего, коммуниста и активиста: которого сами обстоятельства его жизни – существование на пособие по безработице, с женой и детьми, ютятся в двух комнатах, – не давали возможности попытаться создать крупное произведение. Получается, литературная жизнь Оруэлла с самого начала воплощала некие неопределенные буржуазные ценности».

Это просто удивительно. Оруэлл действительно встречался с Гарретом в Ливерпуле в 1936 году и был весьма впечатлен, обнаружив, что уже знаком с ним по его работам – выходящим под псевдонимом «Мэтт Лоу» – в журнале Джона Миддлтона «Адельфи». Он пишет в своем дневнике:

«Я убеждал его написать автобиографию, но он находил невозможным, живя, как правило, на пособие по безработице, в двух комнатах вместе с женой (которой я передавал собранный для его работы материал) и кучей детей, браться за любой требующий времени труд и мог писать только рассказы. Не говоря о чудовищной безработице в Ливерпуле, лично ему было практически невероятно найти работу, потому что его имя, как коммуниста, везде находилось в черных списках».

Таким образом, свидетельства, которые должны были бы пристыдить Оруэлла, были, оказывается, предоставлены не кем иным, как самим Оруэллом! Это немногим лучше другой привычки его недоброжелателей – нападать на него за произнесенные им цитаты так, будто слова эти принадлежат ему лично. (Мысль о том, что писатель должен иметь возможность «позволить» себе писательство, представляет собой нечто совершенно иное, и как идея – несколько «проблематична» (в модной терминологии новых левых). Если бы писательство могли позволить себе лишь буржуа, многие сочинения никогда не были бы написаны, а Оруэлл, для начала, никогда не встретил бы Гаррета).

Что же до «толп» черных и прочих цветных, мне кажется, я сказал по этому поводу достаточно. Оруэлл критиковал находящегося на пике популярности Ганди за то, что тот

слишком полагается на «духовные силы», на непротивление злу, за то, что тот слишком пассивен в своей борьбе. Он громко возмущался тем, что во время освобождения Аддис-Абебы (столицы страны, раньше носившей название Абиссиния, а теперь – Эфиопия) от итальянских фашистов вначале был поднят «Юнион Джек», и лишь потом – абиссинский флаг. Он никогда не позволял своим читателям забывать о том, что они живут в империи, эксплуатирующей свои заморские колонии, написав однажды, что как бы Гитлер ни старался, он не смог низвести немецкий народ до презренного статуса индийского кули. И так далее в том же духе.

Исаак Дойчер – как и его соотечественник, Джозеф Конрад, – получил широкую известность как человек, освоивший английский язык уже в зрелом возрасте и сумевший написать на нем блистательную прозу. Но когда он пишет о «факте», заключающемся в том, что миллионы людей «могут» прийти к какому-либо заключению, он допускает ляпсус, на каком бы языке он ни говорил. Как и многие другие критики, он оценивает оруэлловский «1984» не по его литературным достоинствам и даже не по его полемическим особенностям, но по его потенциальной способности подавлять и разочаровывать людей. Таков стандарт, руководствуясь которым попы и цензоры выносят книгам приговор, провозглашая их лишенными необходимой «духоподъемной силы», которая одна делает литературу достаточно полезной для массового потребления. Претенциозное название эссе Дойчера лишь усиливает впечатление того, что происходит попытка что-то совершить исподтишка.

Реймонд Уильямс, который несет идею «культурологии» уже второму поколению британских читателей, задевает меня лично, и я оставляю его напоследок. Но если вы заметили, он также судит о книге по ее восприятию читателем. Конор Круз О’Брайен больше не относит себя к левым, но он все еще активно пользуется такими приемами в дискуссии, так что мы сталкиваемся с дилеммой: а читал ли автор работы Оруэлла, посвященные Киплингу и империи, и решил ли он по какой-то одному ему известной причине, что Оруэлл имел в виду совсем не то, о чем писал? Или, возможно, автор просто ничего не читал? Эти вопросы не теряют своей актуальности, несмотря на то что сам О’Брайен на своем пути успел перейти от красных и зеленых – через период, окрашенный в слегка багровые тона, – под оранжевое знамя британских патриотов.

Я выбрал приведенные выше цитаты не потому, что их просто найти и с ними легко работать. Каждое из этих высказываний – ключевое из всего того, что имеет отношение к его автору, и если они что-либо и замалчивают, так это ту враждебность по отношению к Оруэллу, которую возвращают в себе левые в массе своей. Однако не каждый раз приходится ловить столь выдающихся авторов на столь элементарных ошибках. Может ли статья, что враждебность снижает планку обычного интеллектуального уровня? И если да, то почему?

Говорят, что древнегреческий государственный деятель Аристид Справедливый был изгнан из Афин только за то, что граждан раздражало слышимое на каждом шагу слово «справедливый». На репутации Оруэлла есть некий налет непогрешимости, и это раздражает его критиков. (Если бы самому Оруэллу при жизни стало об этом известно, он тоже был бы сильно удивлен.) Но даже приняв во внимание такое раздражение, как объяснить то, что оно подталкивает людей заниматься очевидным искажением фактов?

Возвращаясь к вопросу о колоссальных возможностях, владение которыми приписывают Оруэллу его противники. Однажды Оруэлл написал, что народная память о Томасе Карлейле – это прежде всего его огромный, широкий авторитет. Такой же, если даже не более превозносимой и однозначной, долгое время оставалась и собственная репутация Оруэлла. Но это же не приведение миллионов людей к отчаянию и апатии (Дойчер), не размывание моральных качеств целого поколения (Уильямс), не создание литературных произведений, которые, коварно маскируясь, на самом деле являлись продуктом целой «культуры» (Томп-

сон). Многие ключевые фигуры левого фланга, не проговаривая этого явно, воспринимают Оруэлла как *врага*, при этом врага опасного и страшного.

Та же картина в несколько меньшей степени была характерна и для времени самого Оруэлла. И снова проиллюстрировать изначальную нелюбовь и недоверие можно на простом – интеллектуальная упрощенность, по крайней мере, здесь присутствует – жанровом недопонимании. Оруэлл будто бы написал достойную всякого порицания фразу: «Рабочий класс воняет», о чем много говорили и чему охотно верили. Это словесное выражение смеси снобизма и глупости можно было, предположительно, обнаружить на страницах романа «Дорога на Уиган-Пирс», то есть – поскольку книга эта пользовалась бешеной популярностью в «Клубе левой книги» Виктора Голланца – фразу эту можно было найти и проверить. Однако ничего найдено и проверено, очевидно, не было, потому что в романе Оруэлл всего лишь пишет о том, что представления о дурном запахе рабочего класса были свойственны представителям класса среднего, в том числе – ближайшим его родственникам. Опровержение по поводу того, что Оруэлл когда-либо произносил или писал фразу: «рабочий класс воняет», было выпущено самим Виктором Голланцем, пусть и находившимся с Оруэллом в безнадежном противостоянии по политическим вопросам. Ничего не изменилось. Как показывают его опубликованные письма, как только Оруэлл писал нечто неприятное для левых, в ответ неизбежно звучали старые обвинения, что начинало выходить за рамки человеческого понимания и делало бессмысленным опровержения, основанные на фактах. Даже как-то неловко вновь повторяться в подобных мелочах, но и в наши дни, в критической дискуссии вокруг «Внутри чрева кита», опять применяется неизменный метод – приписывать Оруэллу слова, вложенные им в уста своих героев.

В качестве типичного выразителя всеобщей враждебности можно привести одного человека с левого фланга. Реймонд Уильямс принадлежал к коммунистическому поколению 1930–1940-х годов. (Его первой опубликованной работой был написанный в соавторстве с Эриком Хобсбаумом памфлет студентов Кембриджа в защиту советского вторжения в Финляндию времен пакта Гитлера – Сталина.) Вместе с Э. П. Томпсоном и Стюартом Холлом, посеявшими первые семена нового левого движения 1950-х годов, отказался оставаться в рамках традиционного коммунизма. И когда у старых новых левых испортились отношения с новыми новыми левыми (это случается), он оказался одним из тех, кто продолжал пользоваться уважением младших поколений сочувствующих марксизму и интеллектуалов самых широких взглядов, в 1979 году группировавшихся вокруг Перри Андерсона и его *New Left Review*, более того издательство New Left Books опубликовало ряд интервью и бесед с Уильямсом, выдержанных в самом почтительном тоне, в серии под названием «Политика и литература».

Позвольте мне начать с того, с чего начинал Уильямс, с его чрезвычайно авторитетной работы «Культура и общество», вышедшей в 1958 году. Первое упоминание имени Оруэлла мы встречаем при обсуждении Джорджа Гиссинга:

«Пусть Гиссинг – менее сострадательный наблюдатель, чем миссис Гаскелл, менее откровенно полемичен, чем Кингсли, все же его “Преисподняя” и “Демос” были бы встречены благожелательно обоими писателями и их типичными читателями. Кроме того, Гиссинг ввел в литературу важный новый элемент, и элемент этот не теряет своей значимости. Его часто называют “оратором отчаяния”, и это – очень точное определение. Он, как и Кингсли и миссис Гаскелл, писал, чтобы рассказать правду об условиях жизни бедняков и выразить протест тем жестоким силам общества, которые спихивают слабых в бездну преисподней. Еще он был оратором отчаяния другого рода: отчаяния, рожденного крахом иллюзий о социальном и политическом устройстве. Здесь он является автором, в точности похожим на Оруэлла в наши дни, и пишет он во многом по тем же причинам. Дальнейшее покажет, сочтут ли мое мнение справедливым».

Позднее сам Оруэлл удостоился целой главы, в которой Уильямс торжественно заявил о том, что «общее впечатление от [его] творчества – ощущение парадоксальности. Он был цивилизованным человеком, гуманистом, который транслировал нам картину в высшей степени антигуманного террора, был человеком благопристойным, воссоздававшим на своих страницах исключительную грязь».

Первым делом тут можно было бы заметить, что и Оруэлл был восхищенным почитателем Джорджа Гиссинга и в творчестве своем часто ссылался на его книги, особенно на «Личные бумаги Генри Рейкрофта», «Женщин в разброде», «Демос» и «Новую улицу литературной богемы». В опубликованном в 1943 году очерке, посвященном писателю, Оруэлл пишет:

«И вот гуманный, интеллигентный человек с учеными манерами принужден близко познакомиться с лондонской беднотой, и заключение, которое он вынес из этого знакомства, просто: эти люди – дикари, которых ни под каким видом нельзя допускать до политической власти. Несколько оправдывает его только то, что реакция эта была в общем обычной для человека из нижней части среднего класса, который не слишком далеко ушел от рабочего класса, чтобы его не бояться. Главное, что он сумел ухватить, – средний класс сильнее страдает от экономической неопределенности, чем класс рабочих, и скорее готов к протестным действиям. Игнорирование этого факта было одним из главных просчетов левых; почитав этого чуткого автора, который любил греческие трагедии, ненавидел политику и начал писать задолго до рождения Гитлера, можно понять кое-что о природе фашизма».

Так случилось, что я точно знаю: Уильямс видел ранние и более поздние работы Оруэлла о Джордже Гиссинге. Когда в послевоенном Кембридже вместе с Вульфом Манковицем и Клифордом Коллинзом Уильямс помогал редактировать журнал «Политика и литература», он получил рукопись более объемного эссе о Гиссинге от самого Оруэлла, который, будучи к тому времени безнадежно болен, не мог покинуть санаторий в Шотландии. Рукопись не вернулась к Оруэллу никогда, она была потеряна. Сам журнал (посвященный довольно непривлекательному смешению идей Карла Маркса и Ф. Р. Ливиса) вскоре зачах. Собственное участие Уильямса в этих несчастных событиях – рукопись была вновь обнаружена в 1959 году – представляется крайне неблагоприятным. И не нужно помощи детектива от литературы, чтобы, внимательно просмотрев приведенные выше отрывки, заметить, что Уильямс отчасти повторял об Оруэлле то, что Оруэлл писал о Гиссинге. Эту полускрытую неприязнь более отчетливо можно почувствовать, когда Уильямс обращается к теме парадокса. Я уже заявлял раньше, что Оруэлл допускает и противоположные смыслы, и даже противоречия, но что парадоксального в том, что «цивилизованный человек, гуманист, транслирует картину в высшей степени антигуманного террора»? Что парадоксального в том, что «человек благопристойный воссоздает на своих страницах исключительную грязь»? Сам выбор глаголов, откровенно говоря, странный, если не сказать сомнительный. «Транслирует»? «Воссоздает»? Допуская, что в первом случае Уильямс подразумевает отсылку к «1984», что он, разумеется, и делает, все же можно спросить, не точнее было бы написать, что Оруэлл «разоблачает», возможно даже «предвосхищает» или просто «описывает» в высшей степени антигуманный террор? Однако такой выбор слов именно по причине своей аккуратности был бы менее «парадоксален». Потому что таким образом Уильямс намекает, хоть и боится высказать это открыто, что картину тоталитарного коллективизма Оруэлл просто сочинил.

Что же касается «воссоздания» исключительной грязи, то тут автор очень полезной книги «Ключевые слова» умышленно выбрал неверный термин. Возможно, он снова ссылался на «1984» – он был просто одержим образом «зернистой пыли», что заполняет первую страницу романа, а возможно, он имел в виду описание убогого, крайне стесненного (и зловонного) существования, которое вынуждены влечить обитатели Уиган-Пирса. Однако «вос-

создавать» подобную грязь означает либо реалистически ее описывать – и здесь нет никакого противоречия с благопристойностью автора, – либо воплощать ее в реальности, что уже полностью лишено малейшего смысла.

Позже, в «Культуре и обществе», Уильямс заработал несколько очков, перепечатав некоторые абсолютистские изречения Оруэлла, вне контекста режущие слух. В журналистской полемике Оруэлл пользовался одним одновременно и сильным, и слабым приемом: он часто начинал эссе с провокативного утверждения, призванного приковать внимание читателя, – тактический ход, позаимствованный, как верно заметил Уильямс, частично у Г. К. Честертона, частично у Джорджа Бернарда Шоу. Еще ни один активно печатающийся писатель не мог пробежаться по только что вышедшим из типографии своим страницам и не вздрогнуть при этом, наткнувшись на нечто похожее. Уильямс признается в намеренной «изоляции» этих фраз, что не мешает ему продолжать веселиться. Категорическое утверждение «гуманитарий – всегда лицемер», возможно, не лишено правды, – и на самом деле не лишено, – но только не само по себе. Другие высказывания Оруэлла, по теме провала социалистического движения на Западе, сегодня звучат более убедительно, чем тогда, когда Уильямс осыпал их насмешками, и все же есть в них что-то огульное. И разумеется, нельзя было пройти мимо знаменитого излияния злонравия на головы «оригиналов», вегетарианцев и гомосексуалистов, язвительности, которая только уродует литературу и, возможно, заслуживает гневной отповеди (хотя мы продолжаем восхищаться По и Свифтом за дерзкое отсутствие лояльности в их сатире). Однако скрытое предубеждение Уильямса выдает себя даже в обращении к таким сравнительно легким целям. Уильямс упрекает Оруэлла в постоянном использовании в качестве оскорбления уменьшительного определения «маленький» («типичный социалист... аккуратный маленький человечек», «типичный маленький подлец в котелке» и т. д.). Сегодня мы все, возможно, слишком часто используем слово «маленький» и его аналоги. В одном месте Уильямс действительно упрекает (возможно, несколько высокомерно) своих соратников из новых левых за слишком поспешную оценку «мелкобуржуазности» Оруэлла. Однако как насчет (я привожу первый попавшийся пример) откровенного отвращения Оруэлла, вызванного поведением толп англичан во время Первой мировой войны, когда «несчастные мелкие немецкие пекари и парикмахеры обнаруживали свои магазины разгромленными толпой»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.